

УДК 94(470) «19»

Трухин М.Д.

Московский государственный областной университет

ИДЕЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ В ВОЗЗРЕНИЯХ ЛИДЕРОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

M. Trukhin

Moscow State Regional University

THE IDEA OF CONSTITUENT ASSEMBLY IN THE VIEWS OF LEADERS OF THE REVOLUTIONARY ORGANIZATION «NARODNAYA VOLYA»

Аннотация. Данная статья посвящена актуальному вопросу изучения идеи созыва Учредительного собрания в воззрениях лидеров революционной организации «Народная воля» в 70-80-х гг. XIX в. Основной темой в публикации является определение схожих и противоположных точек зрения по вопросу Учредительного собрания у наиболее видных членов данной организации. Анализ различных источников показывает высокую степень значения идеи Учредительного собрания в идеологии «Народной воли», а также сочетание различных представлений у её представителей.

Ключевые слова: Временное правительство, Земский собор, «Народная воля», народники, парламентаризм, террор, Учредительное собрание, якобинцы.

Abstract. The article is devoted to the topical issue of the study of the idea of convocation of the Constituent Assembly in the views of the leaders of the revolutionary organization «Narodnaya Volya» in the 70-80s of the XIXth century. The aim of the publication is to identify the similar and opposite points of view on the issue of the Constituent Assembly expressed by the most prominent members of this organization. The analysis of various sources shows great significance of the idea of Constituent Assembly in the ideology of «Narodnaya Volya», as well as the combination of different ideas its representatives had.

Key words: Provisional government, the Assembly of the Land, «Narodnaya Volya», narodniks, parliamentarism, terror, Constituent Assembly, Jacobins.

В августе 1879 г. в результате раскола «Земли и Воли» в Петербурге образовалась «Народная воля», которая являлась самой крупной и влиятельной революционно-террористической организацией в 1870–1880 гг. XIX века. Руководящим центром организации стал Исполнительный комитет (в дальнейшем ИК) в состав которого первоначально вошли 20 членов: А.И. Баранников, Н.К. Бух, А.И. Желябов, В.В. Зега-фон-Лауренберг, А.И. Зунделевич, С.А. Иванова, Г.П. Исаев, А.А. Квятковский, Н.Н. Колодкевич, Т.И. Лебедева, О.С. Любатович, А.Д. Михайлов, Н.А. Морозов, М.Н. Ошанина, Е.Д. Сергеева, Л.А. Тихомиров, В.Н. Фигнер, М.Ф. Фроленко, С.Г. Ширяев, А.В. Якимова. Позднее в разные периоды в ИК вступило ещё 16 человек: Ю.Н. Богданович, А.В. Буцевич, М.Ф. Грачевский, В.А. Жебунев, С.С. Златопольский, А.П. Корба, М.В. Ланганс, В.С. Лебедев, С.В. Мартынов, С.Л. Перовская, Г.Г. Романенко, Я.В. Стефанович, Н.Е. Суханов, П.А. Теллалов, М.Н. Тригоны, С.Н. Халтурин. К 1881 г. в состав «Народной воли» входило около 500 человек, а общая численность кружков за всё время её существования достигала в России приблизительно 300 единиц [5, с. 67-68].

С началом деятельности организации началось формирование её программных документов, в которых закрепилось положение о свержении самодержавия в России и созыве Учредительного собрания. К таким документам в первую очередь необходимо отнести: Программу Исполнительного комитета (далее – Программа ИК) (сентябрь–декабрь 1879 г.) и Программу рабочих членов партии «Народной Воли» (далее – Программа рабочих) (ноябрь 1880 г.). «На-

родная воля» также выпустила ряд периодических изданий, наиболее влиятельным из которых была одноимённая газета. Именно в ней и были напечатаны основные программные документы народовольцев. Помимо этого, богатый фактический материал о программно-теоретических воззрениях членов ИК можно обнаружить в материалах следствий по их процессам, а именно у Баранникова, Богданович, Желябова, Златопольского, Михайлова и др.

Хотя значительная часть документов, затрагивающих историю деятельности «Народной воли», была опубликована в разное время, до сих пор остаются материалы, которые находятся в фондах российских архивов, среди которых мы могли бы выделить Российский архив литературы и искусства (РГАЛИ)¹.

С самого начала деятельности ИК в организационную структуру был заложен принцип, по которому все его члены имели равноправный статус и могли выражать свою точку зрения по любым программным и текущим вопросам. В связи с этим можно отчётливо наблюдать, что внутренняя дискуссия в ИК по вопросу Учредительного собрания имела весьма высокую популярность. Убеждённым и наиболее настойчивым сторонником идеи организации института учредительной власти в ИК был Михайлов. Разнообразные источники отчётливо показывают, что Михайлов без каких-либо заметных комментариев пропагандировал все ключевые положения Программы ИК, касающиеся Учредительного собрания. В своей речи на суде по делу 1 марта 1881 г. (процесс 20-ти народовольцев), Михайлов заявил, что его организация считает одним из главных методов борьбы не только террор, но и «избирательную агитацию в Учредительное собрание», и для уточнения этого момента сослался на текст Программы ИК [7, с. 48]. В других сохранившихся материалах следствия также видно, что вопрос борьбы за созыв Учредительного собрания виделся Михайлову, как центральная цель в работе народовольцев. В декабре 1880 г. в своём первом

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. «В.П. Фигнер», Ф. 1744. «Собрание воспоминаний народовольцев».

письме из заключения Михайлов сообщал, о том, что собирается во время показаний заявить, что террор «Народной воли» – это одно из средств реализации её программы и прекратить его смогут только «исторические перемены и некоторые реформы» [10, с.136]. Хотя Михайлов здесь и не обращается напрямую к требованию Учредительного собрания, оно им явно подразумевалось. Это видно из уже следующего послания Михайлова, где он писал народовольцам: «Лозунгом вашим должно стать... *Земское учредительное собрание* при общем избирательном праве, при свободе слова, печати и сходок – вот минимум желательного. Для него отдайте все ваши силы, все ваши жизни, и вы воздвигнете себе в близком будущем нерукотворные памятники в сердце народа. Он оправдает самые крайние средства ваши, когда станет распоряжаться своими судьбами» (курсив мой – авт.) [10, с. 217]. Добавление Михайловым к понятию «Учредительное собрание» – «Земское» не являлось его каким-то исключительно личным программным изысканием. В данном случае Михайлов старался адаптировать к другой представлению об Учредительном собрании, которое будет создано путём революционного переворота, и Земском соборе, который может быть объявлен монархией. Что бы показать, что для него этот орган является сугубо демократическим, а не номинальным атрибутом власти, Михайлов уточнял, что «Земское учредительное собрание» должно быть организовано на основе системы всеобщего избирательного права.

О том, что народники в России часто использовали различную, а порой даже противоположную парламентскую терминологию, писали отечественные историки разных поколений [1, с. 22]. Основные причины происхождения подобных нюансов мы уже определили в своих предыдущих работах, где констатировали, что в печати народничества таким образом могли сочетаться тактические уловки или проявляться некомпетентность авторов на периферии [13, с. 15-16; 14, с. 33-36]. Наиболее отчётливо это обнаружится у народовольцев к 1881 г., когда понятия

«Земский собор» или «Народное собрание» на некоторое время примут преобладающий характер. Например, 22 ноября 1879 г. в известной прокламации «От Исполнительного комитета» говорилось: «Если бы Александр II осознал, какое страшное зло он причиняет России, как несправедливо и преступно созданное им угнетение, и, отказавшись от власти, передал её *всенародному учредительному собранию*» (курсив авт.) [12, с. 222]. Однако в письме «Исполнительный комитет императору Александру III» от 10 марта 1881 г. декларировалось: «Заявляя торжественно, перед лицом родной страны и всего мира, что наша партия со своей стороны безусловно подчинится решению *народного собрания...* и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному *народным собранием*» (курсив мой – авт.) [12, с. 195]. О том, что под «народным собранием» ИК подразумевал именно Учредительное собрание писала затем в своих воспоминаниях Фигнер [8, с. 104]. Отметим, что, по всей видимости, значительной разницы между революционным Учредительным собранием и пореформенным Земским собором народовольцы не делали при условии, что оба органа будут избраны на широких демократических началах. Например, в это время Морозов в письме к П.Н. Ткачёву приравнивал оба требования друг к другу без каких-либо комментариев [2, с. 41]. В агитационных публикациях обычно местного уровня разброс парламентской терминологии чаще зависел уже не только от партийной тактики, но и от слабых юридических знаний их составителей. Такой пример можно увидеть в воспоминаниях харьковского народовольца Л.В. Фрейфельда, где он подробно описал эпизод из жизни другой известной народницы, С.М. Гинсбург, пойманной полицией с текстом наскоро и плохо составленной прокламации. Несмотря на утрату подлинника этого текста, Фрейфельд почти дословно повторил её содержание, где чётко выделил в тексте термин «*Земское Собрание*» (курсив мой – авт.)¹. В описании тех же самых

¹ РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 70. Л. 20.

событий, но уже у одесского народовольца М.И. Дрея в тексте документа одновременно цитируются термины: «*Земское Собрание*» и «*Земский собор*» (курсив мой – авт.)².

Ещё одним, интересным наблюдением в показаниях Михайлова является его горячая убеждённость в исконной исторической привязанности русского крестьянства к идеям представительного народовластия, которая, вероятнее всего, сформировались у него во время пребывания среди старообрядцев. Иллюстрируя во время следствия свои политические убеждения, Михайлов говорил: «Русский крестьянин до такой степени хранит идею народоправства, что несмотря на полуторавековое императорское самодержавие, проявляющееся для него в столь чувствительных формах, до сей поры сохранил очень распространённый взгляд на царя, как на правителя, ограниченного по закону сенатом». Вслед за этим он резюмировал: «Если бы даже и случилось, что народ из привычки пожелал своё новое государственное здание венчать царской короной, то её роль была бы чисто почётная и во всяком случае вполне ограниченная народными представителями, *Народной Думой*» (курсив мой – авт.) [11, с. 107]. Здесь Михайлов явно выражал один из ранних программных идеалов народовольцев, надеявшихся на то, что 90% депутатов от крестьян войдут в Учредительное собрание за счёт исторически сложившейся привязанности русского народа к свободной жизни. Так, во втором номере газеты «Народная воля» говорилось: «Мы знаем, как устраивался наш народ, всюду, где был свободен от давления государства; мы знаем принципы, которые развивал в своей жизни народ на Дону, на Яике, на Кубани, на Тереке, в сибирских раскольничьих поселениях, везде, где устраивался свободно, сообразуясь только с собственными наклонностями; мы знаем вечный лозунг народных движений» [6, с. 42]. Во время следствия Михайлов также заявлял, что подобные настроения среди крестьян господствуют на «пространстве в тысячи вёрст», что было, конечно, преувеличено.

² РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 18. Л. 30.

В тот же период времени, помимо мелких технических несовпадений, образовались и более серьёзные противоречия. Разногласия с изначальным текстом Программы ИК начинают обнаруживаться в появившихся уже после неё известных партийных документах, и в частности в Программе рабочих. Программа ИК была составлена Тихомировым как совокупность мнений большинства членов ИК о задачах организации. Программа рабочих появилась позднее, и её основным автором считается Желябов. Разница между этими документами заключалась в том, что в Программе рабочих власть к Учредительному собранию переходила не сразу, а после предварительных политических и экономических реформ Временного правительства. В советской историографии это положение обычно комментировалось как доказательство того, что у лидеров «Народной воли» в тот момент существовали планы по захвату власти наподобие якобинской диктатуры. Сегодня это утверждение может вполне оспариваться. Например, в своей монографии историк Г.С. Кан выступил с критикой данной позиции, считая, что Программа рабочих была мало-распространённым документом, созданным для популяризации текущих целей организации [5, с. 75].

На наш взгляд, взаимосвязь этих документов безусловно имела место и носила следующий характер. Программа рабочих видится нам, как текущий программный документ, в котором отразились новые переосмысленные воззрения народолюбцев о политических возможностях народных масс. Свою позицию мы подкрепляем тем, что различные источники показывают, что идеи, близкие к содержанию Программы рабочих, находили себя не только в официальной печати, но и вошли в документы личного происхождения. Например, они отчётливо проявляются в показаниях также участника процесса 20-ти Баранникова. По словам Баранникова, главной целью его организации было проведение политического и экономического переворота в России предпочтительно силами самой партии. После переворота партия должна была

охранять народную свободу и сформировать из «своей среды» Временное правительство, которое организовывало демократические выборы в Учредительное собрание. Ему же Временное правительство должно было передать все свои государственные права и полномочия [9, с. 141]. Возможно, чтобы несколько заретушировать якобинские ноты, в тексте этого же допроса Баранников уточнял, что Учредительное собрание будет создано из народа и обладать всей законодательной и исполнительной властью в тех границах, которые установят для него избиратели. Основной обязанностью Учредительного собрания Баранников, уже вполне традиционно, видел начертание нового общественного строя, также одобренного инструкциями от избирателей. Из вышесказанного видно, что Баранников обращался к тезисам, свойственным не только Программе ИК, но и к положениям Программы рабочих, где говорилось о совмещении законодательной и исполнительной власти Учредительным собранием. Кроме того, мы видим, что Баранников выделял ключевую роль своей организации, как в проведении переворота, так и в создании Временного правительства, которое получало бы «широкие права и полномочия» (курсив мой – авт.).

Похожие идеи возникали у народолюбцев и на периферии. В рукописном черновике прокламации «По поводу годовщины 1-го марта» неизвестный харьковский народолюбец писал: «Партия должна организовать революционные кадры в тех местах, где народ наиболее восприимчив: такие пункты суть фабричные и вообще большие промышленные центры. Таким образом, с этой армией партия, воспользовавшись царевубийством..., овладевает центрами правительственной власти, *объявив себя временным правительством, созывает Народное собрание*» (курсив мой – авт.)¹. Ещё больший интерес вызывает вольная рукописная интерпретация текста Программы рабочих, автором которого был сосланный в Томск студент Казанского университета П.А. Орлов. Текст демонстрирует

¹ РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 79. Л. 11.

откровенные опасения автора вероятности проникновения в будущее государственные структуры нежелательных представителей. Орлов считал, что революционный переворот и все последующие государственные изменения должны были проходить только под полным контролем рабочих. Так, он пишет: «Всякое правительство (в монархии ли неограниченной, или республике, или при конституции) только тогда будет действовать в пользу народа, если будет правительством народным; если будет от народа *в полной зависимости*» (курсив мой – авт.). Вслед за этим он добавляет: «Временное правительство должно состоять из рабочих или из таких лиц, в благонадежности которых рабочие уверены». Практически так же им исключалось присутствие лиц не рабочего происхождения и в Учредительном собрании: «Наконец, на обязанности рабочих остается главным образом устроить дело так, чтобы Учредительное собрание было созданием повсеместной революции и только ее завоевания» [12, с. 362-363]. Орлов, как и в аналоговом тексте Программы рабочих, писал об обязательном использовании инструкций от избирателей для депутатов Учредительного собрания, но не включал положение о том, что выборы должны пройти на основе ключевого принципа системы всеобщего избирательного права т. е. *всеобщей* подачи голосов. При этом напомним, что в тексте Программы ИК отмечалось, что этот принцип был прямо привязан к Учредительному собранию, как и общественные инструкции для избирателей. Об этом принципе возвышенно писал в своём письме к соратникам и Михайлов. В конце Программы ИК заявлялось о важности агитации во время выборов в Учредительное собрание и также приводилось довольно категоричное утверждение, что партия должна будет: «...всячески бороться против кандидатуры различных кулаков и всеми силами проводить чисто мирских людей» [12, с. 174]. Однако, как мы видим, Программа ИК не отрицала участия представителей данной категории крестьян в выборах. Именно это отличие чётко показывает, что косвенные мысли об ограничении

избирательных прав отдельных категорий граждан уже после публикации Программы ИК пусть в разной степени и с разными мотивами, но всё равно возникали.

То, что якобинство имело место в «Народной воле», признавали и те её члены, кто всегда выступал его противником. Так, комментируя показания Баранникова, Фигнер специально обращала внимание на то, что у него есть якобинские взгляды, которые идут в разрез с общим мнением народовольцев [9, с. 44]. Совершенно ясно, что Фигнер так же отрицательно реагировала и на высказывание Баранникова о том, что состав Временного правительства будет сформирован из народовольцев. Об этом мы судим уже по её самой известной книге «Запечатлённый труд», где она пишет о нареканиях и горячих нападках уже на Желябова со стороны Перовской и Ланганса за его отдельные «якобинские выражения» в своих работах. Одной из таких работ Фигнер называет внутреннюю инструкцию «Подготовительная работа партии»; ещё одним таким документом вполне могла быть и Программа рабочих. Фигнер также перечислила имена нескольких народовольцев разного организационного масштаба, которые были склонны к якобинству (М.Н. Ошанина, П.Г. Зайчневский, Е.Н. Южакова, М.А. Тимофеев). Чтобы не противоречить самой себе, она утверждала, что эти взгляды имели сугубо личный характер и не вносили серьёзного резонанса в общий ход работы партии. Не остался без её комментария и вопрос о Временном правительстве. В «Запечатлённом труде» она писала: «Самый вопрос о временном правительстве при личном составе партии был у нас вопросом скорее академическим, без мысли, что мы увидим его, а тем более – войдём в него, и ставился для стройности программы» [8, с. 104]. В других источниках мы также можем наблюдать то, что такие же принципы сохранялись не только у Фигнер. Например, арестованный в мае 1882 г. Богданович писал в показаниях, что единственные «регламентированные» требования партии – это установление свободы обществ и ассоциаций, мысли, совести

и слова; уничтожение всех сословных привилегий; права каждого на землю и орудия труда признаны наукой и историей всех народов. Там же Богданович подчёркивал, что партия может иметь свои собственные цели, но она не признаёт за собой права и компетентности ставить их как обязательные, так как истину в этом случае может сказать только сам народ. Поэтому все основные вопросы общегосударственного значения должны решаться исключительно на Земском соборе¹. В похожем духе высказывался также участник этого процесса Златопольский².

В связи со всем вышесказанным мы приходим к выводу, что яacobинские или, правильнее, близкие к ним взгляды проявлялись в ИК и других структурах «Народной воли» на личном уровне её отдельных членов. Причину их появления мы видим в анализе народолюбцами зарубежного опыта парламентаризма и, в первую очередь, «французских» революционных завоеваний. Таким образом, народолюбцы проявляли свою политическую индивидуальность, но, в тоже время, и сохраняли верность общим программным идеалам организации. Например, именно так мы характеризуем позиции Желябова. К данному выводу мы, прежде всего, приходим из анализа текста его речи на суде первомайцев. Постоянно перебиваемый обвинителем, Желябов не смог чётко перечислить все программные требования. Поэтому о том, что Учредительное собрание рассматривалось им как главное средство реализации программы партии, мы можем судить по этому общему высказыванию: «Мы не анархисты, мы стоим за принцип федерального устройства государства, а как средства для достижения такого строя мы рекомендуем очень *определённые учреждения*» (курсив мой – авт.) [12, с. 252]. Во время этого выступления Желябов так же категорически отказался признать связь «Народной воли» с идеями противника лозунга Учредительного собрания Морозова. Поэтому здесь мы полностью присоединяемся к характеристике личности Желябова, которую

дал в своей монографии историк Кан, считавший, что своеобразие его взглядов не зависело от жёстких теоретических схем и правил, а лишь ориентировалось на ключевые идейные постулаты, примеряя их к политической реальности [5, с. 95].

В заключение отметим, что хотя члены ИК и обязывались подчиняться решениям большинства при утверждении общих программных требований, тем не менее практически все они постоянно проявляли политическую индивидуальность. При этом вопрос созыва Учредительного собрания неизбежно превращался в одну из самых дискуссионных тем внутри организации. Наиболее ярко это противоречие обнаружилось в столкновении воззрений большинства членов ИК и его известного члена Николая Морозова. Именно этому вопросу и будет посвящена наша следующая публикация.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. – М., 1912. – 483 с.
2. Валк С.Н. Г.Г.Романенко (Из истории «Народной Воли») // Каторга и ссылка. – 1928. – № 11. – С. 36-59.
3. Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. – Париж, 1932. – 253 с.
4. Знаменский О.Н., Шишкин В.А. Ленин, революционное движение и парламентаризм. – Л., 1977. – 296 с.
5. Кан Г.С. «Народная Воля»: идеология и лидеры. – М., 1997. – 196 с.
6. Литература партии «Народная воля». – М., 1930. – 491 с.
7. Михайлов А.Д. Воспоминания. – Женева, 1903. – 55 с.
8. «Народная воля» и «Чёрный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879 – 1882 гг. – Л., 1989. – 415 с.
9. Народолюбец А.И. Баранников в его письмах. – М., 1935. – 160 с.
10. Письма народолюбца А.Д. Михайлова. – М., 1933. – 279 с.
11. Прибылёва-Корба А.П., Фигнер В.Н. Народолюбец Александр Дмитриевич Михайлов. – Л., 1925. – 225 с.
12. Революционное народничество 70-х годов XIX века (1876-1882 гг.). Т. 2. – М., 1965. – 473 с.

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 872. Л. 7.

² РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 872. Л. 16.

13. Трухин М.Д. Борьба неонароднических партий за созыв Учредительного собрания в России. 1901 – начало 1918 гг.: автореферат... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2004. – 24 с.
14. Трухин М.Д. Российские истоки идеи Учредительного собрания и отношение к ней неонародников в конце XIX – начале XX веков // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2009. – № 4. – С. 33-35.